

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

5000 ее картин разошлись по миру

Всего клубов - 2000 - 22 сессии - 47

Знаменитая художница Катя Медведева живет сейчас в основном в деревне, далеко от Москвы, в Рязанской области. Ходит там в кружевной черной юбке, в зашибис какой шляпе собственного изготовления, с вуалью, в резиновых сапогах и с неизменной сигаретой в зубах. Разговаривает с деревенскими, навещает больных, кормит собак — штук пятнадцать к ней уже прибрлудилось. А ночами рисует.

— Сижу до пяти-шести утра. Привычка многовековая. Всю жизнь так прожила. Кофе хлещу, сигареты — до двух пачек в день. Часто мужики сельские на огонек с бутылкой заглядывают. Картины посмотрят, кошеч поглядят и говорят, говорят... Им душу выговорить надо. Я водку отниму, спрячу, чаем напою с вареньем. Да за разговором ночь и улетит. А ему, мужику, лучше делается. И мне хорошо. Я уже восемь месяцев не пью.

Как пить начала? В Москве поселилась, выставка — и сразу успех. Гости стали каждый день приходить, каждый вечер с бутылками. Боялась людей обидеть, так потихоньку и вянула. А потом стала Богу молиться, чтобы помог бросить пить. Моллилась — Он и помог.

Но я без общения с людьми не могу. У меня из общения композиции складываются. Когда одна, то телевизор включу — и тема родилась.

Здесь, в деревне, люди в основном хорошие. Только завистливые есть. Мы с дочерью и внуком люди открытые, у нас нет ни секретов, ничего, что стоит прятать. Я доверяю людям — а они мне завидуют. Чего завидовать, ты же не художница.

Многие галеристы говорят, что с Катей Медведевой трудно работать, что лучше с ней не связываться. Талантлива — очень. Но необязательна. Выбьет и долго зультат, забывает про обещания, просьбы; деньги закончатся — туда и несет картины... Мы с ней общались несколько месяцев — меня она как раз обязательностью поразила. Непосредственностью. Достоинством. Пришла на встречу в новой кофточке — кушила на барачке у метро, но сама пришла к ней нейлоновый катюшон. Накинула на голову — тут-то я и спрашиваю, а не собирается ли Медведева еще и одежду моделировать?

— Не собираюсь. Вообще-то я ткачиха, поэтому ткань так чувствую и люблю на ней писать. Вот начало второго акта «Жизели» прямо на темно-синий бархат ложилось. А портрет Спесивцевой на жестком го-белене надо было рисовать, чтобы фактура шла. Она же страсть свою ткань сжигала. Я все про Ольгу Спесивцеву знаю.

— Любовь к балету — это ваши неосуществленные мечты?

— Да нет. И мечтать даже не могла. Я же детдомовская. Росла в Степанакерте в Нагорном Карабахе, попала туда после войны, мне семь лет было. Я на скрипке играла пять лет, учителя говорили, что очень хорошо, талант. А потом год не было преподавателя по музыке — и все накрылось.

В детдоме говорили, на таланте в люди не выбьешься, тем более замуж не выйдешь. Так все и сошло на нет.

Город Шуша был разделен на армянскую часть и азербайджанскую, мы ходили в армянскую школу. Грязь, холод, мы в галошах на босу ногу. Чулки давали нам один на полгода. Я одну ногу подогну, потренюсь, как страус, потом другую — и бегом, чтобы не опоздать. Уже тог-

да такая ответственность была.

Меня отдали в Баку учиться на ткачиху в ФЗУ. Ой, как я плакала и не хотела! Я эту ткачиху ненавидела еще с Пушкинской сказки про царя Салтана. Но все время себе говорила: «Катя, прорвемся!» Вот и прорвалась.

У Кати в Москве малюсенькая однокомнатная квартира, забитая книгами. В редком доме увидишь такое количество книг, сложенных стопками от пола почти до потолка. Книги рабочие — Катя в любой момент подходит, сразу вытаскивает нужный альбом, томик стихов. Читает она каждую ночь по своей системе. Уже третий год только Чехов. По одному рассказу, но все тома, включая письма, комментарии. За последние годы прочитала так всего Льва Толстого, Александра Островского, Федора Достоевского. О литературе с ней говорить сложно: она тут же забивает тебя своей философией:

— «Подрастает» Федора Михайловича — гениальное произведение. Там есть все. Как Библия, я сравнивала. Все ответы на жизнь, только понятным человеческим языком. На столе каждого учителя и ученика должна лежать эта книга. А «Преступление и наказание» — вредная книга, там переживания одни. А я их уже не хочу, шкура болит от них.

Тут в жизни не расхлабаешь. Девять дней не мылась, как с нашими ребятами в море несчастье случилось. Я считаю, что нельзя праздничное себе ничего делать, когда в стране несчастье. Не спала несколько суток, только иногда молилась. Я хорошо знаю, что такое морская жизнь. У меня оба мужа были моряки, на Каспийском море ходили. Один раз я и попала с трехлетней дочерью в шторм семибалльный. Уже и с жизнью простилаась, но, видимо, было на роду написано много еще вынести. Я за ту ночь в море килограммов на пятнадцать от страха и переживаний похудела. Я тогда еще ткачихой была.

А знаете, сколько я мест работы за свои шестьдесят три года поменяла? Двадцать семь. И поваром была, и сиделкой в доме престарелых, и почтальоном, и официанткой, и самостоятельною руководителем в Доме культуры, и подбедзы мыла. А теперь вот художница.

— А как вы начали рисовать?

— У меня дочь заболела, пришлось ее срочно везти в Ессентуки на воды. Это 74-й год был. Как-то раз вышла на гору после дождя, а город такой бархатный, зелень такая... А перед тем, как идти, меня соседка встретила, и говорит, вы куда Екатерина Ивановна, а я в плаще, сапогах резиновых. Она, видимо, думала, что я от большого дитяти бежать собралась. Говорю, не волнуйся, дорогая, иду природой любоваться. Она пальцем у виска покрутила — мол, сумасшедшая.

Я все это вспомнила на горе, такая тоска меня взяла, руки раскинула: «Господи, ну почему я не художница, почему душа моя немая?» Представляете, а в январе 76-го я уже начала рисовать. Полгода там

КАТЯ МЕДВЕДЕВА:

И ЧТО ЭТО ВАМ ТАК ХОЧЕТСЯ МНОЮ УПРАВЛЯТЬ?

Фото Ирина Лавриной

порисовала и поняла, что художник должен свою родину рисовать.

И уехала в Белгородскую область, где я родилась, с бабушкой всю войну прожила. Новооскольский район, село Голубино. Бабушка профессиональная нищенка была, слепая от рождения, ходила по дорогам с подругой. Я в тряпках сижу, жду, когда она кусок хлеба принесет, и мне все мало. До сих пор это ощущение помню. Хлеб и тряпки. Так на родине моей, говорят, работы не было. Я не знаю.

В тот же день, как мы приехали, начальник почты предложил мне поработать. Месяц в одном селе, месяц в другом, всего тридцать сел в округе. Никто не шел, а мне хорошо. Мне нужно разнообразие для того, чтобы рисовать. Там плетены, здесь индюк, в другом селе гуся писанье. Это же все разное, и много всего. А люди, люди какие — чудо! За шесть лет у меня ни одной жалобы не было.

— А что, человек — хорошее создание?

— Конечно. Даже сомневаться не надо. Бывает слаб иногда. Вчера по телевизору Володя Спиваков сказал, что совет — это Бог, который не позволяет плохие дела делать. Если бы человек слушался своей интуиции, — а интуиция есть святость, — то люди не были бы такими, как сейчас. Но они не хотят прислушиваться к себе как к созданию Божьему.

Мне в детстве на людей хороших повезло. В Нагорный Карабах

сыслали всех, кто провинился в чем-то, а сажать не хотели. Врач одна была, подпольный аборт сделала — и ее к нам, в Шуши. Она всех детдомовских ребят от трахомы спасла. Или учитель истории Николай Поллароневич. Он тоже в ссылке был. Спартак живой. Как-то в пятом классе он стал нам объяснять, что такое раб. Я на первой парте сидела, маленькая такая, он подошел ко мне и говорит, вот у этой куколки, предположите, есть петушок, и она захочет ему перья повыдергать — повывергает; захочет его зарезать — зарежет. Что захочет, то и сделает. Вот это и есть раб. Что тут не понятно?

Историю я любила до безумия. Он такой красавец был. Соблазнил девочку, десятиклассницу, говорит, у них любовь была, это в те-то годы, и его сослала.

И кто пил, сыслали. А люди это непростые, талантливые. Человек творческий пьет, чтобы отдохнуть, он же в другой мир уходит, когда пьяный. Это же тоже гениально, что человек может уйти в другой мир, чтобы с ума не сойти. Я все это сама прошла.

— А пишется легче, когда пьешь или когда не пьешь?

— Когда пьешь, вообще стесняешься писать. С похмелья стыдно писать, потом забываешься, ум открывается, и счастье приобретаешь. Я один раз в Старой Ладоге, в Доме творчества, встала утром — похмелье такое, что не могу ничего, охкнула сейчас. Послала одного художни-

ка, сложились с ним по три рубля, беги, говорю, быстрее. Он пошел, принес, мы с ним выпили. Думаю: что дальше делать? Буду писать автопортрет в наказание себе, потому что страшнее этого дня в моей жизни не было. Привезла этот портрет в Москву, коллекционерша из Германии увидела: «ШЕ-о-о!» Что за красота, продай! А я думаю, какая тут красота... Сейчас висит в Германии.

Я не жалую, что пила, надо было по жизни и это пройти, помучиться. Вообще к успеху в жизни надо готовиться. Очень трудно переживать внезапную славу, сломаться можно в один день: Я же не готовилась, всю жизнь в йипчете и безвестности жила — а в один день проснулась знаменитой. Вот двадцать лет и отхожу от того дня. На меня же столько плевали, ругали: «примитивистка», «наивная художница» — какие только ярлыки не приклеивали. А мне Бог дал то, что я могу.

— А есть художники, которые очень нравятся, которых вы считаете своими учителями?

— Да, конечно. Тогда в Ессентуках мне друзья стали давать альбомы, я много смотрела, читала. А один раз на два дня дали одиннадцать фоллиантов с репродукциями всех импрессионистов. Я там увидела Ван Гога. Потом его уже сама искала, сама купила за полторы тысячи рублей каталог всех его работ. Запала я на него. У него крестьяне — и я крестьянка. Он ткацкий станок рисует, ненавидит его, этот станок-вампир, который выпивает кровь из всех ткачих — и я его тоже ненавижу.

Все удивляются, как это Катя Ван Гога поняла, он такой трудный художник! А что же мне не понять. Я в таких же деревянных колодах, которые были даже не мои, а моей старшей сестры, ходила в школу. Первого сентября ни одной книжки у меня не было. Это еще до Степанакерта было, мама мне холщовую сумку шила, кукурузы вареной напихала, за дверь выставляла и говорит: «Учись, дочка!»

Вот я до сих пор и учусь. У Ван Гога все про это можно увидеть на картинах, только надо внимательно посмотреть. У него последний пейзаж был голубой. Я два года его рисовала. Пыталась не копировать, а настроение передать. Что-то есть неудовимое.

И у меня постоянно голубой период. Голубой цвет — это цвет счастья. А я счастлива всегда. Наверное, и балет стала рисовать, потому что это всегда все голубое: пачки, музыка, свет.

Катя уже пять лет рисует «Балет». Это целая серия бесконечных эпизодов из балетов «Жизель», «Лебединое озеро», «Раймонда». Началось все с чтения книги Майи Плисецкой «Майя». Она на Катю так действовала, что первой же ночью появилась балерина. Я видела двадцать пять картин из этой серии, написанных на доске с помойки, на хорошо отгруппованном полотне, на гобелине, шелке и даже на ворсистом коврике. Девушки были в розовых пачках, голубых, белых, с блестками и без, группами и в одиночку. Были портреты. Лицо Ольги Спесивцевой в сплохах то ли рук, то ли света, которые складывались в крест. Мне говорили, что у Кати есть портрет Галины Улановой. Не верила, Катя не рисует похожие портреты. Но когда увидела, сразу с первого взгляда узнала Уланову.

— Балет требует определенного рисунка, пластики. Это же очевидно. Только его надо понять. Это очень трудный рисунок. А когда его поймешь — уже все просто. Я думала, что балет это не для меня. Что я, деревенская баба, такое искусство тонкое не смогу понять. Но нужен сильный эмоциональный толчок, потрясение внутреннее — и тогда глаза через душу открываются.

Ближе всего к балету рисунку Карла Брюллова. Ножи у него какие балетные! Я на эту выставку большую ходила как на занятия. А раньше его не любила. Теперь только, наверное, дожила до него.

Сначала, когда сажусь рисовать, очень сильно мучаюсь. А потом чувствую, что работа получается, две-три минуты попишу, остановлюсь, закурю. Уже настроение хорошее совсем, и дальше не останавливаюсь, пока не закончу. Потом уже чай пью а потом, может быть, если на душе светло, и другую работу начну. Смотрю, как светает, слушаю, как машины едут. Я на высоком этаже живу, вижу, как город жизнью наполняется. Хорошо.

— Катя, а почему вы бежали из Москвы?

— Я не бежала. Мой друг, любитель живописи Медведевой, академик, заглянул ко мне в гости, увидел, как я живу на обломках, пишу на кухне, а дочь с зятем в комнате свою жизнь спрашивал, пришел в ужас, предложил пожить в его доме. Так я и бежала от всех.

А Москву я люблю. Она вдохновительница, кормилица. Здесь заправляешься впечатлениями, новостями. А туда — писать еду. Потом обязательно назад возвращаюсь. Москва меня приняла, на руках понесла. Что вы... В 81-м году, в январе, я в таком отчаянии была, когда в Москву приехала, думала, руки на себя наложу. А потом пошло, пошло...

Я Москву никогда не предам. У меня 22 приглашения в архиве хранятся, в разные страны звали, и жить, и выставки мои открывать. Но я не могу дочь бросить, внука больного. А вдруг снова «железный занавес»? Мы же это уже все пережили. Что я там буду делать, и мои без меня прощай. Вообще-то я для них живу, мне самой что надо? И картины мои для людей, я не могу их себе оставлять. Они странники, мои картины. Я уже около пяти тысяч написала — и все разошлись по миру. Вот счастье.

— Вы так все рассказываете, что жить вам легко и приятно получается?

— Нет. Личностью быть тяжело. А я личность. Когда личность видит, то пытается ее растащить психологически. Никому нельзя давать свой внутренний стержень на растерзание. Чем только тебя не соблазняют, не отвлекают! И каждый хочет подчинить, управлять тобой. Я смеюсь: и что это вам так хочется мною управлять? Я ведь только день и ночь работаю, да читаю, да кофе пью, да курю. Вот и вся Катя.

Катя Медведева побывала в Москве месяц, убедилась, что внук поступил в Университет, продала картины, накупила холста, красок, и опять уехала в деревню. Там нет телефона, телевизора, никакой цивилизации. Обещала привезти новые работы. Смеялась, что непорядок, мол, что за жизнь такая — в доме нет ни одной картины, на стены повесить нечего.

Встречалась Галина СКОРОБОГАТОВА

Танцовщица. 2000.

Сенная улица в селе Анемиясево. 1999.

Старая Ладога. 1999.